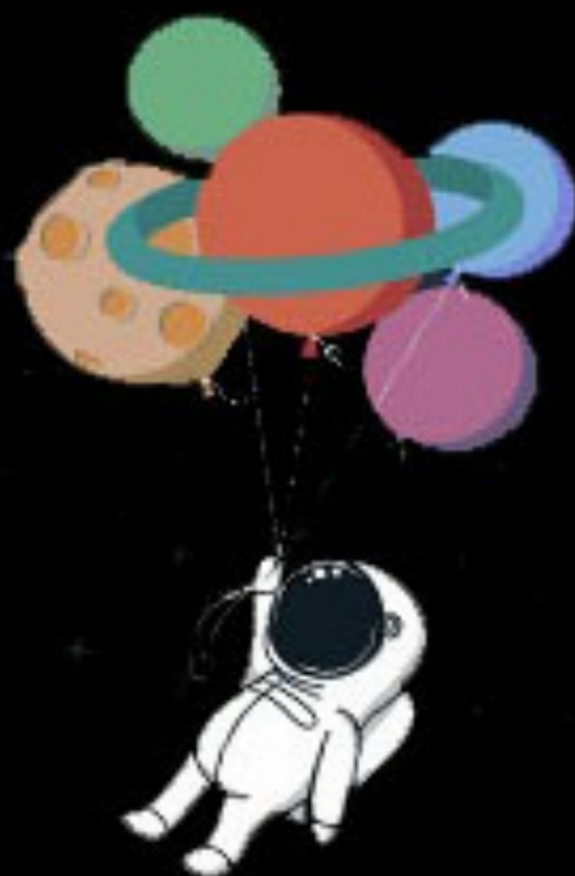

Касаткина Наталья

16+

Мы останемся

Наталья Касаткина

Мы останемся

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Касаткина Н.

Мы останемся / Н. Касаткина — «ЛитРес: Самиздат», 2019

История мамы умирающего ребенка. Книга-боль, не меркнущая через время и сотни страниц печатного текста. Жизнь не делится на «до» и «после», когда твой ребенок гаснет. Она делится на сотни ненужных слов и пустых воспоминаний. Всем, кто ждал приговора в белом конверте, посвящается... В августе 2016 двухмесячной дочке Натальи поставили диагноз, несовместимый с жизнью. Больше трех недель они жили, боролись и мирились с мыслями о смерти, но судьба сыграла с ними куда более ироничную шутку. Удивительные переплетения судеб, роковые и нелепые случайности в рассказе от первого лица.

Содержание

Каждому	5
Часть 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Каждому

Отдаю свою историю каждому, кто решит прочесть эту книгу. В ней мое горе, мой кошмар, мое спасение. И благодарю каждого, кто был рядом, и кто не смог быть. Вы порвали мою боль на сотню маленьких кусочков, чтобы забрать ее с собой.

Я не умею прощаться с людьми навсегда, и от того... каждого, кто остался со мной через время, теряясь в пыли ежедневных забот, люблю. Люблю искренне, люблю нежно, люблю до конца.

Часть 1

Касаткина Наталья, 23 года,
Нижний Новгород, Russia.

Март 2015

Чуть больше полугода назад я окончила институт и почти сразу вышла замуж. Не самая выигрышная последовательность действий – об этом я узнаю позже. Вероятность того, что в скором времени я, возможно, уйду в декрет, обесценивает мои знания и красный диплом экономиста. Работодатель груб и расчетлив. Иногда я пытаюсь объяснить, что в ближайшие годы, а, быть может, и вообще никогда, мне это не светит. Кто-то пропускает это мимо ушей, кто-то открыто смеется. Я оставляю попытки донести до людей правду – детей могут иметь не все.

На этот раз мне везет, меня берут в частную фирму по перекупке автомобилей на неполную ставку. Я работаю уже неделю, и мне здесь не нравится. В мои обязанности входит заполнение несложных бухгалтерских документов и приготовление кофе боссу и его гостям. Сегодня мне помогает Света.

– Ой, да не переживай ты так! Родишь еще! Хотя врачи у нас, конечно, ужасные. У моего второго порок сердца просмотрели. Пять лет уже не живем, а мучаемся, каждый год на лечение ездим. А я, главное, у врачихи потом спросила: «Как просмотрела то?!» А она мне: «Свет, ну я же тебя знаю, ты бы аборт все равно не сделала». А я ей: «Знаете что? А я бы еще подумала!»

Света с вызовом смотрит на меня и ждет понимания. Ее глаза наполнены злостью, она в ярости – ее лишили права выбора. Света работает здесь не просто так. Ее муж – сын моего, любящего кофе по-турецки, босса и один из совладельцев фирмы. У нее есть дом, автомобиль, стабильный немаленький доход, супруг и двое сыновей. Для полного счастья Свете не хватает права убить своего ребенка и моей поддержки в данный момент. После небольшой паузы я понимающе киваю.

В этот офис я больше не вернусь. Я все еще живу в мире, где больных детей спасают, а не стремятся добить.

На следующий день в 7 утра муж, как всегда, уходит на работу, а я остаюсь. Чувство вины гложет меня, но, кажется, я давно к нему привыкла.

У меня за спиной 5 лет нервной анорексии. Год отрицания и 4 года сопротивления. Лечением это назвать трудно, найти специалиста, который предложил бы мне четкую схему борьбы с болезнью, у меня не получается до сих пор. Я меняю психологов, психиатров, диетологов, читаю литературу – в общем сопротивляюсь. Я все чаще напоминаю себе Мюнхгаузена, вытаскивающего себя за волосы из болота. Только тот врал, а я и, правда, тащу. Результат соответствующий – я продолжаю тонуть.

Каждый новый день – это новая надежда, что болезнь отступит, и начнется ремиссия. Я не жду выздоровления. Я знаю, бывших наркоманов не существует. Я осознаю, моя анорексия – та же зависимость. Ремиссия – это свобода. Свобода от страха, вины и стыда. Никто не знает, сколько она продлится – день или всю оставшуюся жизнь. И мне – человеку, у которого всегда есть план, как построить план, это кажется прекрасным.

Дверь захлопывается. В нашей полупустой однушке на седьмом этаже становится тихо и неуютно. Я подхожу к большому зеркалу в прихожей. То, что я вижу в его отражении омерзительно. Снова. В этот раз цена изуродованного тела – право стать матерью. Я делаю этот выбор осознанно.

Анорексия уничтожила мою репродуктивную систему. Все просто: когда у организма не хватает сил на нормальное функционирование всех органов, он начинает экономить на том, без чего можно прожить (сокращает штат сотрудников). Мои легкие обязаны дышать, мое сердце не может не биться, а вот потомства владельцу этого тела уже не оставить...

Как экономист-управленец, я прекрасно понимаю выбор моего мозга и почти не сержусь на него, но вот принимать ситуацию не хочу. Я отчаянно пробую одну схему лечения, за другой. Врачи уверяют: в теории процесс обратим. На практике с этим пока проблемы.

После нескольких лет гормональной терапии похвастаться нечем. Из видимых эффектов только второй подбородок и задница, которая больше не влезает в любимые джинсы. В холодильнике исключительно обезжиренные продукты, но после отмены оральных контрацептивов, прибавка в весе процесс закономерный и абсолютно неконтролируемый. Зачем мне с моими проблемами еще и контрацепция? Это был ход конем. Резкая отмена препарата, после 6 месяцев регулярного глотания пилюль, должна была обрадовать мой организм и простимулировать его к зачатию. Чуда не произошло..., но рискнуть, несомненно, стояло. Я заплатила за очередную попытку стать мамой десятью килограммами плюсом.

До моего первоначального веса осталось еще десять. Не знаю, доберусь ли я до этой отметки и перемахну ли через нее, продолжая расплываться до бесконечности...

Я смотрю в зеркало и вижу себя почти такую же, как пять лет назад. Как будто не было этих диет, тренировок, подсчета калорий, изоляции. Будто я никуда и не двигалась с этой точки, будто вечность стою в этой прихожей. Я знаю, что это не так. События последних лет навсегда во мне что-то сломали. Что-то, что и без того было хилым, кривым и убогим, но держалось на вере, любви и соплях. Говорят, что сильный стресс заставляет людей резко взрослеть. Врут. Я не повзрослела, я сразу состарилась.

Август 2015.

В давно уже уютной однушке на седьмом этаже все та же неудобная я.

Без малого год безуспешных попыток забеременеть. 11 маленьких жизней, 11 маленьких смертей. Надежда, сменяющаяся тоской и отчаянием. *Солдат Джейн опускает руки: последний шанс, не получится – черт с ним, бей в колокол и уходи.* Каким бы не был результат следующего теста, переживать не стану, беременна я или нет – на прошлой жизни поставлен крест. Я больше не потрачу и дня в ожидании счастья, я стану счастлива здесь и сейчас, с младенцем на руках или без него.

Именно в этот момент evitest впервые показывает мне две полоски. Мой бунтарский настрой мгновенно пропадает, но вместо восторга и счастья накатывает едва уловимая тревога: *«Не вздумай радоваться, надо все тщательно перепроверить».*

Я покупаю в аптеке еще несколько тестов, записываюсь на прием к лечащему врачу, попутно сдаю кровь на ХГЧ.

Врача, вернувшего меня в гонку за право носить гордое имя мамы, зовут Юлия Анатольевна Полонская. После четырех лет скитания по женским консультациям и всякого рода платным клиникам, я, наконец, нашла своего доктора. Юлия Анатольевна не знает, что на самом деле происходит со мной и почему репродуктивная функция моего организма не восстановилась после набора веса, но в том, что я еще услышу плач собственного младенца она абсолютно уверена.

Полонская невозмутимо смотрит на экран своего компьютера и просит записаться на повторное УЗИ через пару недель. Беременности на мониторе не видно, но повода сомневаться у нее, тоже нет. Во время следующего визита, датчик улавливает во мне новую жизнь. Радостная новость не снимает мою тревожность, напротив, она усиливает ее в разы. Я знаю, стартуют

многие, до финиша доходят не все. Меня не отпускает мысль, что братьев у меня могло быть двое.

Я стараюсь не думать о плохом, сбалансировано питаюсь, провожу много времени на свежем воздухе, читаю литературу для будущих мам. Беззаботной беременяшкой мне не позволяет быть только постоянная ноющая боль в пояснице. Она пугает меня, я открываю Google...

Google – хранилище неврозов и панических атак, святая святых ипохондриков и благодатная почва для возвращения любых фобий. Отключив инстинкт самосохранения, я добровольно ныряю в тонны информационного мусора, смысл у которого всего один – всем хана.

К невозмутимой Юлии Анатольевне запись на месяц вперед, я в панике набираю номер первой попавшейся клиники, способной принять меня сегодня же.

Неприветливый персонал не смущает меня, я давно привыкла к брезгливым взглядам в свою сторону. Чувство собственного достоинства вернется ко мне еще не скоро. Уставшая девушка-узист наспех проводит исследование и заключает: угроза прерывания беременности.

– А что не так? – решусь спросить я в самом конце.

– Ну, вот, смотрите. Ребенок должен быть кружочком, а у Вас вон – сосисочка.

О том, что быть «сосисочкой» на данном сроке беременности для ребенка нормально, не знает ни Google, ни врачи этой сомнительной клиники. Зато знает Юлия Анатольевна – я связываюсь с ней по электронной почте. Она дает четкие сухие рекомендации и просит прийти на прием через 2 недели. Ее уверенность, что через 14 дней, я все еще буду вынашивать своего малыша, успокаивает, я засыпаю.

Утром апатия сменяется тошнотой. Меня бесконечно мутит, но это вселяет надежду. Токсикоз в первом триместре – норма, а значит, все идет по плану.

Октябрь 2015

Угроза прерывания беременности позади, я гордо шагаю в местную женскую консультацию, чтобы встать на учет. Юлия Анатольевна заводит меня в кабинет, на двери которого я успеваю прочитать табличку Лебедева Е. Н.

Мою беременность будет вести эта немолодая и, откровенно, неприятная женщина. Нехотя она берет из моих рук документы и просит присесть на стул. В кабинете воцаряется тишина. Я стараюсь не дышать, чтобы не мешать врачу изучать мой анамнез и недовольно вздыхать.

– Ну, как себя чувствуешь то?! – громкий голос заставляет меня вздрогнуть.

Мое понимание, что я, вообще-то, человек взрослый, и разговаривать в подобном тоне со мной нельзя, куда-то исчезает. Я превращаюсь в маленькую и, почему-то, виноватую девочку.

– Нормально, – отвечаю я еле слышно, – только горло все время болит.

– Плохо! – отрезает Лебедева.

Единственным словом она припечатывает меня к стулу, как бабочку насаживают на булавку. Выходя из кабинета, я уже не сомневаюсь, мои дела – дрянь!

Токсикоз усиливается с каждым днем, сбалансировать свой рацион становится все сложнее. Я уже готова не есть вовсе, чтобы меня перестало тошнить. Проблемы с питанием отодвигает на задний план вернувшаяся боль в пояснице. Только теперь она не ноющая, а резкая и точечная, с каждым днем опускающаяся все ближе к копчику. Если жизнь меня чему-то и научила, то способности не наступать на одни и те же грабли дважды, явно, в этом списке нет. Я снова записываюсь в первый попавшийся медицинский центр. На этот раз меня подкупает

название – «Клиника семейного врача» – такое уютное место, в котором меня с моим пузожителем готовы принять уже сегодня же. Продано!

С немалым трудом натянув бахилы, плетусь на второй этаж. Очереди нет, я робко заглядываю в кабинет. В этот момент у меня леденеют руки, я чувствую опасность и от того, наверное, громко заявляю: «Я беременна». Удивительным образом эта короткая фраза, произнесенная с вызовом, заставляет меня улыбнуться. Врач моего оптимизма не разделяет. Визуальный осмотр ничего не дает, кисты не прощупываются – ушиб. Лечения нет, надо ждать. Я облегченно вздыхаю и направляюсь к двери, как вдруг доктор все-таки решается задать вопрос: «А Вам ребенок-то вообще нужен? Может рентген?» Медицинский работник предлагает мне сделку: точный диагноз и пачка обезболивающих в обмен на человеческую жизнь. Я отказываюсь, торг здесь не уместен.

Боль от «ушиба» проходит, я начинаю радоваться жизни, но через пару недель история повторяется. На этот раз, я сама отчетливо ощущаю небольшую шишечку чуть ниже поясницы.

Платным клиникам я больше не верю, все мои надежды на старого доброго хирурга из поликлиники по месту жительства. К черту стерильные коридоры, халявные конфетки на стойке администратора и прочая шелуха, просидев в очереди чуть меньше часа, я захожу в кабинет.

Местный персонал настроен более гуманно. Убить моего ребенка мне больше не предлагают и даже сочувствуют, что нет возможности снять воспаление с помощью антибиотиков, однако, помочь по-прежнему ничем не могут. От хирурга я узнаю, что стала несчастливой обладательницей эпителиального копчикового хода или попросту «хвоста», что явление это врожденное и, отнюдь, не редкое. Только воспалился он не вовремя: резать пока рано, надо ждать развития абсцесса. Вот покраснеет шишечка, вскроют, а пока врач советует обрабатывать уплотнение зеленкой, и надеяться на силы местного иммунитета.

Я послушно киваю и отправляюсь в ближайшую аптеку, чтобы мазать свою шишечку бриллиантовым зеленым и ждать, пока она не станет пурпурно-красной.

«Господи, какой абсурд!» – я буду повторять себе эту фразу еще долгие годы. И для меня навсегда останется загадкой, куда делся тогда мой мозг и разум всех, кто был со мной рядом.

Через пару дней боль становится невыносимой, но покраснения не наблюдается и мне, как самой послушной девочке на свете, не стоит беспокоить врача без видимых на то причин. Болевой синдром дурно влияет на мой рассудок, я решаюсь вернуться из Дзержинска домой в Нижний Новгород.

Муж запикивает меня в машину, но ехать сидя возможности уже нет. Распластавшись на заднем сиденье, я вспоминаю всех святых на каждой выбоине. Где-то на середине пути я начинаю рыдать. Болевой порог преодолен и оставлен далеко позади, терпеть больше просто нет сил. Мое нытье отвлекает мужа от управления автотранспортным средством, устав слушать невнятные стенания, он обреченно включает Русское радио. Я начинаю подпевать Газманову, чтобы придать моим воплям хоть какой-то смысл.

Хочется верить, что это было самое проникновенное исполнение песни «Кони» за всю историю ее существования. Обливаясь слезами, я пою про туман вместе с дымом последнего боя и отпечатанную на лице, как на иконе душу.

В квартире на Сахарова ко мне возвращается разум, а с ним приходит и озарение: диаметр моей «шишечки» уже достиг 5 см, а покраснения под толстым слоем зеленки просто напросто не видно. В полуобморочном состоянии, я умоляю моего мужа отвезти меня в Дзержинскую БСМП – нижегородские больницы пугают меня.

В БСМП меня сразу укладывают на кушетку в коридоре. Заботливая санитарка просит подождать, пока муж оформит все документы, и мне, наконец, смогут оказать скорую медицин-

скую помощь. Мысль о том, что ад скоро закончится, придает мне сил, я готова ждать сколько угодно. К тому же мне явно везет. Абсцесс ЭКХ на десятой неделе беременности – прыжок в последний вагон, еще немного и лежать на животе мне будет противопоказано. Сейчас же я расположилась самым удобным и безболезненным образом и с любопытством разглядываю заметно подвыпившего мужчину. Он лежит на соседней кушетке и у него «все хорошо».

Из разговора мужчины с племянницей я узнаю, что некоторое время назад его лягнула лошадь. Да так неудачно, что под вопросом теперь не только честь, но и достоинство любителя выпить. Племянница отчаянно пытается убедить его дать согласие на операционное вмешательство, но мужик непреклонен: «Все хорошо, у меня все хорошо!»

На помощь к девушке устремляется молодой хирург, он буквально умоляет мужчину сделать небольшую операцию и удалить пораженные ткани. Парень трезв и осознает масштабы катастрофы, когда пациент придет в себя, мужиком назвать его будет сложно. На все уговоры ответ один: «Мне ничего не нужно, у меня все хорошо». Не имея права оказать медицинскую помощь без письменного согласия, хирург уходит, в его глазах боль. Через пару минут забирают и меня...

Описывать болевые ощущения, которые ты испытал однажды, очень сложно. Тело не хранит подобных воспоминаний. Старые раны иногда начинают ныть, ампутированные конечности якобы продолжают функционировать, но это совсем не то, что ты чувствовал, когда некто надругался над тобой жестоким актом вандализма. Твой мозг помнит, что было больно, помнит степень этой самой боли: едва-едва, терпимо, катастрофически, невыносимо больно. Но твое тело в этот момент мертво. Сидя на уютном диване ему не почувствовать снова уколов, надрезов, разрывов, сколько не прокручивай в своей голове картинки из прошлого.

Мне трудно описать мое состояние, когда меня, обколотив местной анестезией, начали резать «по живому». Тот, кто хоть раз имел дело с гнойным воспалением тканей, прекрасно знает – гной блокирует действие анестезии. Иными словами, заморозка просто не подействовала. Со стороны это выглядело так...

Я кричу, и медперсонал кричит вместе со мной, точнее, он кричит на меня. Я не знаю, что ответить на вопрос: «Вы чё орете?» Я не понимаю, как такой вопрос вообще может возникнуть в головах квалифицированных медиков? Они что, не догадываются, что мне больно? Операция длится вечность. Стиснув зубы, лежать молча и не дергаться, у меня все же не получается. Медсестры возмущены, врач равнодушен, мой белый свитер покрывается бордовыми брызгами крови.

В этот день больше мужика с конем и не очень умных сотрудников больницы (которые в свою очередь посчитали уместным напоследок сообщить мне, что я плоховато выгляжу для своих 23 лет) меня поражает только соседка по палате, куда мое измученное тело отгружают прямиком из пыточной.

Эта пожилая женщина находится в боксе одна уже несколько дней и явно рада моему появлению. Узнав о моей беременности, она с энтузиазмом рассказывает мне о муже-маньяке, двух детях, восьми абортах, вырезанной матке и отвратительном на вкус омлете, который здесь подают с пугающей регулярностью. Когда разговоры о мертвых детях сменяет тема еды, я с удивлением замечаю, что меня совсем не тошнит. Видимо мой организм в состоянии перенести только одну катастрофу за раз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.